

Деревня Кимжа на Мезени – это уникальное историческое поселение России. Здесь сохранилась традиционная планировка, деревянная архитектура XVIII–XX веков: Одигитриевская церковь (1709), крестьянские дома, амбары, бани, ветряные мельницы, обетные и кладбищенские кресты, а также народная культура, фольклор, традиционная система природопользования и уклад жизни, культурный ландшафт. Архитектурная и сакральная доминанта поселения – Одигитриевская церковь, один из трех сохранившихся на Русском Севере деревянных храмов редкого типа «шатер на крещатой бочке». В статье представлены экспедиционные и архивные исследования автора, в том числе новые материалы – по итогам экспедиции 2024 года.

Ключевые слова: деревянное зодчество; культурный ландшафт; храм; Русский Север; православие. /

Kimzha village in the Mezen district is a unique historical settlement in Russia. Here, the traditional layout and wooden architecture of the 18th–20th centuries have been preserved, including the Church of the Hodegetria (1709), peasant houses, barns, baths, windmills, votive and cemetery crosses, as well as folk culture, folklore, traditional system of nature management, style of life and cultural landscape. The architectural and sacred dominant of the settlement is the Church of the Hodegetria, one of the three wooden churches of the rare 'tent on a cross-like barrel' type that have survived in the Russian North. The article presents the author's expeditionary and archival research, including new materials based on the results of the expedition of 2024.

Keywords: wooden architecture; cultural landscape; temple; Russian North; Orthodoxy.

Деревянный храм в культурном ландшафте Русского Севера / Wooden temple in the Russian North cultural landscape

текст

Анна Пермиловская
Федеральный
исследовательский центр
комплексного изучения
Арктики им. академика
Н. П. Лаврова УрО РАН
(Архангельск)

text

Anna Permilovskaya
N. P. Laverov Federal
Center for Integrated Arctic
Research of the Ural Branch
of the RAS
(Arkhangelsk)

Кимжа – сельское историческое поселение, отражающее своеобразие и богатство культуры Русского Севера, входит в ассоциацию «Самые красивые деревни России». Оно расположено в верхнем течении одноименной реки, в 2 км от впадения ее в р. Мезень, на естественно образовавшемся полуострове.

Археологические исследования в районе Кимжи с достоверностью говорят о наличии в этих местах древнего поселения человека, относящегося к разным эпохам начиная от периода мезолита (VIII–VII тыс. до н. э.) до эпохи раннего Средневековья (X век). Деревню Кимжа в современном ареале бытования основали выходцы с Пинеги в начале XVI века. Этот период совпадает с массовым заселением русскими (преимущественно новгородцами) бассейна Мезени в XV–XVI веках. По устному преданию, занесенному в памятную церковную книгу, первым «насельником» Кимженского прихода был крестьянин со своим семейством из пинежской деревни Немнюга. В начале XVI века при р. Кимже, он построил для себя и своей семьи, кроме жилых и хозяйственных построек, небольшую часовню. В разные временные периоды селение имело следующие названия: Кимженская волость, село Кимженское, деревня Кимжа, погост Кимжа. Самая большая численность населения зафиксирована в 1926 году: 760 чел. и 163 домохозяйства [1]. В настоящее время проживает около 100 чел. зимой, летом население увеличивается до 300 чел.

В XIX веке «жители Кимжи занимались земледелием, скотоводством и рыбной ловлей. Земледелие ограничивается разведением ржи и ячменя, которые, однако, довольно часто не созревают... Рыбная ловля есть главное занятие кимженских крестьян и ограничивается преимущественно ловом семги...» [2, с. 638–640]. Местные жители занимались также морским и зверобойным промыслами, на своих карбасах ходили на пов. Канин. В 1865 году на рыбном промысле было занято 70 чел., на морском зверобойном – 50. Причем морским промыслом занималось не только мужское население Кимжи, но и женское. Охотой на боровую дичь и пушных зверей было занято 10 чел. В 1866 году в Кимже рогатого скота было 206 голов, лошадей 123, овец 296. В 1865-м в селе стояло 10 ветряных мукомольных мельниц, две

кузницы, 23 овина. На Кимжу выходил зимний тракт из Архангельска на Мезень и Печору, проходивший через Пинегу и Малую Немнюгу, поэтому занимались кимжане и извозом. Заметное место в жизни деревни принадлежало ремеслам. В 1865 году в Кимже насчитывалось 10 плотников, два кузнеца, два столяра, двое занимались изготовлением посуды, 15 чел. ткали пестряди и сукно, в 10 отдельных избах выделывали кожи. В 1873 году в Кимже было четыре торговые лавки [3], развивался меднолитейный промысел: отливали колокольчики для скота и почтовых лошадей, украшения для конской и оленьей сбруи, пряжки для одежды, коновальские бляхи, которые служили опознавательными знаками мезенских коновалов. Были в Кимже и мастера-ювелиры. Эти вещи до сих пор можно увидеть в домах и в музее деревни.

Рассматривая культурный ландшафт Русского Севера на примере уникальной по сохранности деревни Кимжа, необходимо отметить роль природного и культурного факторов его формирования. Деревня расположена на высоком берегу Кимжи. Ее берега, имеют выраженный красный цвет и образованы красноцветными песчаниками (мергелем). Несомненно влияние природы, ландшафта на развитие поселения и выбора места для размещения общественного центра. Жизнь крестьянина с древнейших времен была связана с водой. Излюбленным местом для возведения северных деревень был берег реки. Практическая смекалка, свойственная русскому народу, любовь к природе, тонкое художественное чутье помогли ему на редкость удачно и гармонично выбирать место для будущей деревни, дома, храма. Анализируя планировку северных деревень, нужно отметить, что народные зодчие, не зная о существовании архитектурно-градостроительной науки и ее принципов, интуитивно правильно выбирали место поселения и его границы, располагая их в пространстве сомасштабно человеку. Здесь вступает в силу одно из важнейших качеств народного зодчества – единство природы и культуры, «мера и красота».

Храм, как центр крестьянского мира, всегда господствовал над местностью, становился архитектурной и сакральной доминантой окружающего ландшафта.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20036, <https://rscf.ru/project/24-28-20036/> (руководитель А. Б. Пермиловская)

Acknowledgements:

The work was supported by the Russian Science Foundation; Project No. 24-28-20036, <https://rscf.ru/project/24-28-20036/> (headed by A. B. Permilovskaya)

< Троицкая церковь в деревне Большие Нисогоры. Архангельская область, Лешуконский район. 1863–1873. Рис. П. Лещукова

< Деревня Кимжа. Архангельская область, Мезенский район. Фото автора

Конечно, кроме градостроительных соображений на выбор места для общественного центра влияли и другие причины, часто сугубо утилитарные, но весьма важные. Это прежде всего забота о сбережении главных построек поселения от огня. Погосты размещались либо поодаль от селения, либо на свободной незастроенной территории в его центре. Нельзя забывать о том, что для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира. Храмы как символы небесного мира господствуют в этом пространстве, жилище человека составляет второй план, хозяйственные постройки – третий).

Кимжа в этом отношении представляет собой феномен культурного ландшафта, который складывался столетиями. Она идентифицируется нами как естественно сохранившийся заповедник народной архитектуры, природный и историко-культурный феномен. В ходе исследований автором было выявлено 107 памятников народной архитектуры, установлены их датировка, владельцы, архитектурно-конструктивные особенности, легенды. Выполнена реконструкция исторического поселения, утраченных артефактов народной архитектуры, эскизный вариант историко-культурного опорного плана [4].

Уникальность культурного ландшафта не может рассматриваться в отрыве от ритуально-мифологических истоков, от того, что называется «духом места». Мифология местности, духовная культура, фольклор, топонимика составляют невидимую сторону живого этнокультурного ландшафта. Среди местных жителей Кимжи сохранилась легенда, по которой название деревни происходит от имени первого поселенца Кима. «Сюда заселился Ким, вот и вышло Кимжа. Построил три избы, избы топились по-черному, и на снегу тропы черные оставались. Вот и стали звать чернотропами». Также была зафиксирована легенда об основании храма. По преданию «три старейших и самых уважаемых семи собрались, чтобы с помощью жребия решить, на каком именно месте возвести церковь: на высоком берегу, на полях, или на нынешнем месте. Поставили на излучине реки. На этой площади всегда и праздники, и гуляния, сходы были, всё вот тут, возле церкви. Да и в те времена старинные. Мамаша говорила, еще в начале советской

власти в праздники-то народу соберется – было не протолкнуться... Когда службы были, не только там в церкви народ. Не влазил народ в церковь-то в эту. Так еще и кругом стояли» (полевые материалы автора 2007, 2024 гг.). В результате, в отличие от большинства деревянных храмов Севера, Одигитриевская церковь не стоит на возвышенности, а расположена на невысоком берегу р. Кимжи, но в то же время храм остается визуальной, культурной и смысловой доминантой поселения и хорошо виден с разных точек села.

В начале XVII века жители построили церковь и колокольню в честь иконы Божией Матери «Одигитрия», с приделом во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Местные жители считают себя потомками новгородцев. Не удивительно, что первая церковь, которую поставили в селе, была в честь Богоматери-путеводительницы – Одигитрии. Простояв менее 100 лет, она сгорела от удара молнии. На ее месте в 1700 году было начато строительство новой церкви, сохранившей не только имя своей предшественницы, но, вероятно, и ее внешние формы. Часто на месте обветшалой или сгоревшей деревянной церкви новая строилась «по подобию» ранее существовавшей.

Одигитриевская церковь – один из трех сохранившихся памятников культового деревянного зодчества

< Одигитриевская церковь в деревне Кимжа. 1709. Фото автора, 2024

> Церковь Михаила Архангела в селе Юрома. 1685. Рис. Н. Шабунина, 1908

> Колокольня в Кимже. 1763. Фото Ф. Горностаева, 1898

v Одигитриевская церковь в Кимже с восточной стороны. 1709. Фото автора, 2024

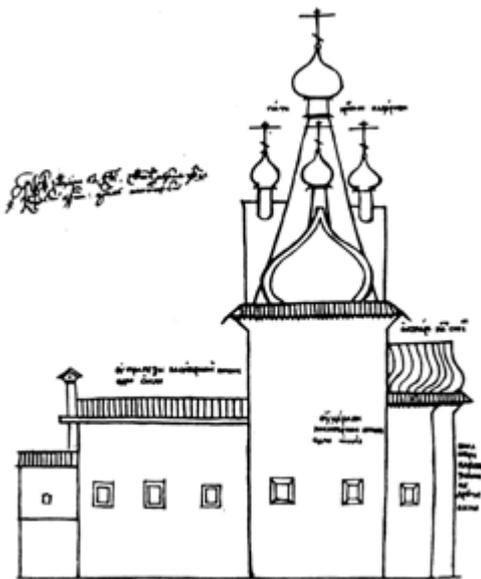

редкого типа «шатер на крещатой бочке». Вторая подобная церковь находится в деревне Веркола, третья – полуразрушенный Никольский храм в деревне Едома (Пинега). Основной ареал распространения храмов – бассейны рек Пинеги и Мезени. Ранее церкви стояли в Большой слободе города Мезени, в Юrome, Лампожне, Немнюге, Суре, Пиремени. По данным анализа иконографического и архивного материала, церкви типа «шатер на крещатой бочке» встречались также в южных районах Архангельской области, в Поважье: Введенская церковь в селе Бестужево на р. Устье (1696), Благовещенский собор Шенкурского острога (1698). Переходные формы до сих пор сохранились в Подвинье, на границе с Пинегой, – Георгиевская церковь в деревне Семёновской Верхнетоемского района (1685), в настоящее время перевезена в музей-заповедник «Коломенское».

Подобного типа возводили не только храмы, но и часовни. Пример тому – часовня Иоанна Богослова в деревне Гбачевской Кузоменского прихода Пинежского уезда (1727) [5, с. 139].

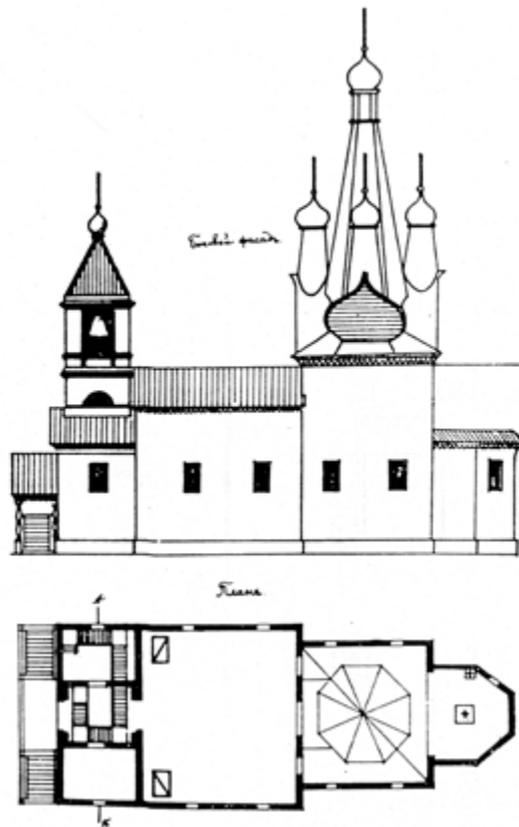
Необыкновенно сильное впечатление производили группы таких церквей на больших северных реках, издали их можно принять за укрепленные городки с множеством башен и глав. Особенно хороша была группа церквей Юромского погоста на Мезени (утрачены в 1930-е). Наиболее выдающейся была церковь Архистратига Михаила (1685), самая высокая среди этого типа храмов – 44 м (рис. 4). Грандиозными размерами и «богатырским» видом отличались также и другая церковь Юромского погоста – Ильинская (1743) – и шатровая колокольня (1825) [6, с. 47].

Тип храма – «шатер на крещатой бочке» – появился во второй половине XVII века и был творческим ответом северных зодчих на церковные реформы патриарха Никона (1654), одним из положений которых было запрещение строить на Руси шатровые храмы. Указывалось возводить церкви «по правилам святых апостолов и святых отец, чтобы было о пяти верхах, а не шатром». Именно в этот период получили распространение компромиссные формы культовых построек между шатром и пятиглавием – «кубоватые» (Онега,

^ Оdigitриевская церковь в Кимже. Рис. С. Борисова (архив ГААО), начало XVIII века

> Оdigitриевская церковь в Кимже. Рис. из архива ГААО, 1880 [5]

Каргополье, побережье Белого моря) и «шатер на крещатой бочке» (Пинега, Мезень, Поважье). Одна из версий возникновения подобного типа храма – существование в зоне межэтнических контактов русского и аборигенно-финно-угорского населения.

Вместе с тем сочетание шатра и крещатой бочки свидетельствует о явной тенденции в формообразовании: крещатое покрытие выявило местоположение вертикальной композиционной оси постройки. Шатер закрепил ее положение в пространстве, а ярусное построение усилило ощущение устремленности вверх. При этом в известных храмах этого типа ведущая композиционная роль наверху в большинстве случаев подчеркивалась преобладанием его высоты по отношению к срубной основе и слитностью его завершения, объединенного общей фактурой живописного лемехового покрытия.

Кимженской церкви посвящен ряд немногочисленных публикаций в дореволюционных изданиях и современных исследованиях. Особо хочется отметить исследования Л. М. Лисенко и Д. Л. Мелодинского, В. А. Крохина Н. П. Лютиковой, М. И. Мильчика. Но, несмотря на высокие художественные достоинства церкви в Кимже, она мало известна в научном мире.

На строительство храма была выдана благостная грамота архиепископа Холмогорского и Важского – Афанасия «в лето 1700 года декабря 20 дня» по просьбе священника Кимженской волости Луки и церковного приказчика Захарки Минина. Также в церковных описях отмечалось, что это вторая церковь, построенная на прежнем церковном месте [7, с. 315]. Одновременно с церковью построена была и «колокольница», которая датируется 1763 годом. Колокольня была перестроена в 1824–1834 годах. Вместо «ветхой, на четырех столбах, без крышки» построена «колокольня о двух ярусах, деревянная на крепком фундаменте, зделанная на пяти столбах, покрыта чешуею, дверей не имеющая, на ней висят четыре колокола» [5, с. 142; 8]. В конце XIX века именно эта колокольня до ее разборки была сфотографирована и обмерена Ф. Ф. Горностаевым.

Описание подобных колоколен «о пяти столбах» встречается часто в старинных церковных описях Русского Севера. Основу открытой колокольни составляют четыре

наклоненных внутрь и суженных кверху столба, поставленные в углах квадратной площадки. Для большей устойчивости по оси сооружения установлен центральный столб, нижний конец которого был врыт в землю, а верхний служит опорой для креста и главки на круглой шее. Звонница и лестничная площадка имеют ажурное ограждение. Колокольня завершена восьмигранным шатром. Между нижним венцом повала и дополнительной тесовой рамой помещена декоративная решетка из тонких брусков. Она служит изящным переходом от глухой массы шатра к сквозной пирамиде самой колокольни.

В те времена Кимженский приход был маленький и бедный: «Церковь деревянная без иконостаса, утварью и ризницею бедна. Нет серебряных сосудов, евангелия и креста приличных, также лампад» [9], и поэтому, хотя строительство церкви было завершено в 1709 году, освящена же она была только в 1763-м. Видимо, много времени ушло на внутреннюю отделку церкви, на сбор денег для приобретения необходимой богослужебной утвари, книг, написания икон. В XIX веке в церкви был «...иконостас двухъярусный. Иконы, особенно во втором ярусе, старинные. Антиминс холщовый. Утварь церковная незначительна по количеству, но прилична по качеству. Ризница весьма недостаточна, плоха и ветха. ... Средствами на содержание храма служат арендная плата (в 1894 г. 56 руб. 45 коп.) за 389 саж. сенокоса, кружечко-кошельковый сбор – 1 руб. 20 коп., и прибыль от продажи свеч – 29 фунт» [7, с. 316]. Причина – бедность прихожан и приверженность их к расколу и, как следствие этого, нерадение к церкви.

Вероятно, многие из пинежско-мезенских храмов строила одна артель плотников, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям. Поэтому неслучайно, что церкви Юромы и Кимжи особенно близки по конфигурации плана и по внешним формам. По архивным данным, «первый плотник, который ту церковь (кимженскую. – А. П.) строил и с мирскими людьми рядился» был Иев Прокопьев – руководитель артели, житель деревни Лампожня Мезенского уезда [4, с. 417]. Композиция церкви на удивление проста, но эта простота и естественность сродни гениальности. Основное

v Чешуйчатый лемех. Фото автора, 2024

помещение храма – четырехгранный сруб на высоком подклете. С восточной стороны пятигранный алтарный прируб, перекрытый килевидной бочкой – кокошником. С западной стороны расположены большая просторная трапезная (10,4 × 10,2 м), паперть и двухвходное крыльцо.

Числовые пропорциональные соотношения высотной части церкви выражены отношениями ширины четверика к его высоте как 4:6, к высоте до уровня конька бочек как 4:9 и к общей высоте – до уровня основания шейки главного купола как 4:12. Если рассматривать фасад в модульных выражениях, то общая высота церкви до основания главного купола, как и его горизонтальная протяженность, составляет 13 модулей [10, с. 77]. Завершение церкви покоится на прочном основании, укрепленном упругим выносом повала. Пять усеченных шатров вырастают из комбинации четырех килевидных бочек, выполненных в лучших традициях древнерусского деревянного зодчества. Бочки завершаются маленькими стилизованными коньками-охлупнями и крыты редким по красоте круглым чешуйчатым лемехом. Интересно сравнить, что коньки, венчающие бочки колокольни, другой формы, близки по своей орнаментации к конькам крестьянских домов, что и отражает один строительный период для колокольни и жилой архитектуры – XIX век.

Возможно, первоначальный вид лемеха Одигитриевской церкви был городковый. В 1876 году шатры и главы были покрыты «деревянной чешуею» [7, с. 316]. Кроме того, при обмерах памятников на чердаке обнаружили несколько старых плашек городкового лемеха [10, с. 71]. Этим же видом лемеха был обшит и шатер когда-то стоящей рядом старой пятистолбной колокольни. Однако следует сказать, что чешуйчатый лемех не испортил в художественном отношении поверхности шатра, бочек и главок. Нарастающее движение снизу вверх подхватывается упругими контурами бочек, далее – главками, напоминающими в разрезе форму бочек. И это стремительное движение вверх заканчивается в центральной части храма – шестигранным шатром с главой вырастающих из этого великолепия бочек.

Тщательное обследование скрытых под обшивкой архитектурных и конструктивных деталей, анализ

^ Трапезная. Фото В. Крохина, 1957

< Обмеры Л. М. Лисенко. 1975

исторического и иконографического материала дали возможность сделать проект реконструкции кимженской церкви, который был выполнен Л. М. Лисенко (1975). Натурные обследования показали, что строителями уделено много внимания не только внешнему облику храма, но и его интерьеру. При вскрытии обшивок обнаружено, что с внутренней стороны бревна были гладко стесаны по всей длине. В трапезной, имеющей очень большие пролеты, матицы подперты мощными столбами (диаметр 45 см), находящимися в центре помещения. Вверху столбы соединены с матицами шипами, входящими в гнезда. На столбах резьба. По стенам трапезной, вероятно, стояли лавки с опушками, аналогичные лавкам трапезной церкви в Юроте. В стене, отделяющей трапезную от церкви, по сторонам дверного проема устроены окна с железными решетками.

Исследование архитектуры Одигитриевской церкви будет неполным, если оставить без внимания конструктивное завершение верхней высотной части. Конструкция храма решала не только строительные, но и художественные задачи, создавая синтез «полезы и красоты». Сруб, выполненный из «кондовой» лиственницы (диаметр бревна в нижней части 37–42 см), поражает мощью и размерами. Подбор венцов сделан с большой точностью не только в видимых частях здания, но и в скрытых, как, например, на чердаке четверика.

Конструктивное устройство верха церкви сводилось к следующему: в уровне повала четверика уложены две пары мощных перекрещивающихся бревен диаметром 42 см, которые принимают основную нагрузку бочкообразного покрытия, состоящего из 19 венцов, собранных «в реж», и шатра, выполненного по стропильной схеме. Верхние три венца пересекающихся бочек в центре перекрываются, образуя открытое пространство под шатром, необходимое для крепления осевого столба. В верхней части этот столб имеет еще дополнительное крепление в нижнем основании главного купола. Осевого столба, являясь основой устойчивости шатра, в верхней части служит опорой креста и главного купола. Сложной технической задачей того времени было соединение шатра с бочками, однако строители нашли оригинальное решение этого вопроса. Они заклинили стропила шатра

^ Трапезная. Фото автора, 2024

^ Волоковое окно для выхода дыма. Фото автора, 2024

^ Обетный крест. 1887.
Фото автора, 2024

на шестой и седьмой слеги бочки, создав необходимую для них устойчивость. Устройство шатра не отличается от конструкций подобного типа шатров в других поселениях Русского Севера, где были распространены церкви «шатер на крещатой бочке». Но крепление шеи куполов построено совершенно по другому принципу: несущей основой шеи является не осевой столб, а стержни, имеющие специальные крепления во внутреннем пространстве шатра и бочек. В этом случае осевой столб малых главок играет уже второстепенную роль: он служит основой для крепления четырех стержней и шеек куполов. В верхней половине шатра установлена специальная четырехугольная рама из толстых досок, где стержни имеют жесткие крепления. В верхней части эти стержни имеют такое же крепление. Конструкции всех главок выполнены по обычной схеме – кружалам, крепленным к осевому столбу и верхней части шейки. Нужно отметить также, что оси малых главок имеют незначительный уклон внутрь, что, вероятно, вызвано чисто эстетическими соображениями – создать куполом большой взлет вверх [10, с. 77–78].

Натурные обследования показали, что строителями уделено много внимания не только внешнему облику храма, но и его интерьеру. При вскрытии обшивок обнаружено, что с внутренней стороны бревна были гладко стесаны по всей длине. В трапезной, имеющей очень большие пролеты, матицы подперты мощными столбами (диаметр 45 см), находящимися в центре помещения. Вверху столбы соединены с матицами шипами, входящими в гнезда. На стенах трапезной стояли лавки с опушками, аналогичные лавкам трапезной церкви в Юрме, к сожалению, не восстановленные при реставрации 2007–2020 годов. Дискуссионным является вопрос об обшивке церкви. Иконостас храма не восстановлен из-за отсутствия финансирования.

Храм обращен к реке и одновременно к главной площади села, которую окружали дома богатых кимженских крестьян Дерягиных. Церковь гармонично слита с окружающим ландшафтом и в то же время главенствует над округой, поставлена настолько удачно, что маковки храма были видны почти из каждой кимженской избы. При высоте 38 м храм вертикалью противостоит гори-

зонтальным линиям берега и вытянувшегося на 1,5 км селу. Архитектура храма во многом определялась местом и каждый раз силуэт ее заново «читается» со стороны леса, от кладбища, с реки, поражая красотой и совершенством.

Чертеж и описание церкви, сделанные в начале XVIII века Семеном Борисовым, позволяют сделать вывод, что ее облик мало отличается от современного: «Церковь теплая, о пяти главах, на главах кресты осмоконечны, зданием четырехуголна, оltарь круглый пятиуголна... в трапезе печь черная бита глиняна устьем в трапезу, паперть забрана тесом в косяки, крылце на запад ис паперти двоесходное» [5, с. 143; 11]. Следы закопчения стен сохранились до сих пор. В стене трапезой восстановлено волоковое окно для выхода дыма. По своему назначению трапезная в северных церквях была светским гражданским помещением и служила для общественных нужд крестьянского мира. Трапезная была местом схода, на котором жители решали свои мирские дела, здесь зачитывались царские указы и вершились суды, раскладывались и принимались подати, заключались хозяйские и торговые сделки, выбирались должностные лица. Трапезная – место проведения общественных трапез (братчин). Особенно важной эта новая роль трапезной становится в начале XVII века с оживлением земской деятельности и местного самоуправления.

Деревенские храмы становятся школами. В 1894 году в трапезной церкви была открыта приходская школа, где обучение безвозмездно вел местный священник при содействии дьякона. Здесь обучались 23 мальчика и 9 девочек [7, с. 316]. О дальнейшей судьбе храма можно узнать из воспоминаний местных жителей: он был закрыт около 1936 года и использовался как склад. От былого величия остались только два резных столба в трапезной. С 1968 года Одигитриевская церковь на государственной охране как памятник федерального уровня. Кимженская церковь – редкий по красоте, силуэту и плотницкому мастерству храм, по типологическим, художественным и конструктивным достоинствам уникальный памятник не только русского, но и мирового деревянного зодчества.

^ Экспедиция по гранту РНФ в Кимжу в 2024 году. А. И. Герасимова, А. Б. Пермиловская, А. А. Усов. Фото автора

Многое делается для сохранения культурного наследия в Кимже местными жителями благодаря грантовой поддержке (руководители Е. Г. Репицкая, А. В. Крючкова). Создан туристский культурно-музейный центр «Кимжа», несколько музейных экспозиций. «Политов дом», который отражает традиционный интерьер мезенского крестьянина конца XIX века. Решение второго жилого помещения – горенки – отражает период 1920-х годов. На повети представлены разнообразные орудия сельскохозяйственного труда, плотницкие инструменты и другие предметы быта. В Кимже представлены «Музей жита», «Северные мельницы», «Музей крестов» (открытое хранение, расположенное в общественном амбаре). Деревянные кресты играют большую роль в культурном ландшафте и ансамбле северной деревни, являются памятниками архитектуры, в которых в миниатюре повторяются все элементы плотницкого мастерства и декоративного убранства, присущие деревянному зодчеству. В Кимже было выявлено и обследовано около 20 крестов, часть из них обмерена [12]. Жители создали несколько гостевых домов, мини-гостиницу «Приют путника». За год деревню в среднем посещают более 2 тыс. туристов.

Кимжа – это живой музей под открытым небом, отражающий традиционную русскую культуру и архитектуру XVIII – начала XXI века. Согласно ФЗ № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов РФ», охрана уникального поселения Кимжа возможна в такой форме, как достопримечательное место федерального уровня. В настоящее время она имеет статус «достопримечательное место муниципального уровня» (2010) [4, 13]. В России нет подобного опыта работ по сохранению сельских поселений. Полагаю, что появление в Архангельской области достопримечательного места «Деревня Кимжа» РФ создаст прецедент по сохранению традиционных сельских поселений в России как особой территории наследия.

Литература

1. ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 864. Л. 1.
2. Шренк, А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. – Санкт-Петербург : тип. Г. Трусова, 1855. – С. 638–640.
3. ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 27–28.
4. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : ИПП «Правда Севера» ; Ярославль : ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2013. – 608 с.
5. Лютикова, Н. П. «Шатровая о пяти главах» : новые материалы об Одигитриевской церкви в с. Кимжа Мезенского района Архангельской области // Проблемы исследования, реставрации и использования

архитектурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск : РИО ПГУ, 1989. – С. 136–145.

6. Грабарь, И. Э. О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников. – Москва : Наука, 1969. – 424 с.

7. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. – Архангельск : Типо-литогр. Наследн. Д. Горяйнова, 1895. – Вып. 2. – 406 с.

8. ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 319. Л. 145.

9. ГААО Ф. 29. Оп. 2, т. 4. Д. 214.

10. Лисенко, Л. М. Национальные особенности памятника деревянного зодчества в с. Кимжа // Архитектурное наследство. – Москва : Стройиздат, 1975. – Вып. 23. – С. 70–78.

11. ГААО. Ф. 831. Оп. 4, т. 6. Д. 6992. Л. 90б.

12. Пермиловская, А. Б. Деревенские святыни: обетные кресты Мезени // Вестник славянских культур. – 2024. – Т. 71. – С. 81–99.

13. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. – Кимжа, № 291530198220005. – URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 16.12.2024).

References

Grabar, I. E. (1969). *O russkoi arkhitekture: Issledovaniia. Okhrana pamiatnikov* [About Russian architecture: Research. Protection of Monuments]. Moscow: Nauka.

Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation. Kimzha, No. 291530198220005. (2024). Open Data Portal of the Ministry of Culture of the Russian Federation. Retrieved December 16, 2024, from <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> *Kratkoe istoricheskoe opisaniie prikhodov i tserkvei Arkhangel'skoi eparkhii* [Brief Historical Description of Parishes and Churches of the Arkhangelsk Diocese]. (1895). Arkhangelsk: D. Goryainov Typo-lithography.

Lisenko, L. M. (1975). *Natsional'nye osobennosti pamiatnika dereviannogo zodchestva v s. Kimzha* [National Features of the Wooden Architecture Monument in the Village of Kimzha]. *Architectural Heritage*, 23, 70–78.

Lyutikova, N. P. (1989). "Shatrovaia o piati glavakh": Novye materialy ob Odigitrievskoi tserkvi v s. Kimzha Mzenskogo raiona Arkhangel'skoi oblasti ["Tent-shaped church with five domes": New materials about the Church of the Hodegetria in the village of Kimzha, Mezensky district, Arkhangelsk region]. In *Problems of research, restoration and use of the architectural heritage of the Russian North* (pp. 136–145).

Permilovskaya, A. B. (2013). *Kul'turnye smysly narodnoi arkhitekтуры Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Ekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences; Arkhangelsk: Publishing Polygraphic House "Pravda Severa"; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky.

Permilovskaya, A. B. (2024). *Derevenskie sviatyni: obetnye kresty Mezeni* [Rural Holy Places: Mezen Votive Crosses]. *Bulletin of Slavic Cultures*, 71, 81–99. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-81-99>

Shrenk, A. (1855). *Puteshestvie k severo-vostoku evropeiskoi Rossii cherez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram* [Journey to the North-East of European Russia Through the Samoyed Tundra to the Northern Ural Mountains]. Saint-Petersburg: G. Trusov Publishing House.

State Archives of the Arkhangelsk Region. Fund 6. Inventory 9. File 3. L. 27–28.

State Archives of the Arkhangelsk Region. Fund 29. Inventory 2. Vol. 4. File 214.

State Archives of the Arkhangelsk Region. Fund 29. Inventory 31. File 319. L. 145.

State Archives of the Arkhangelsk Region. Fund 187. Inventory 1. File 864. L. 1.

State Archives of the Arkhangelsk Region. Fund 831. Inventory 4. Vol. 6. File 6992. L. 9, rev.